

Научная статья

УДК 94(57) + 32.019.51 «1921/1929»

DOI 10.25205/1818-7919-2022-21-8-119-131

Каналы и инструменты трансляции официального образа Советской власти населению Сибири в условиях новой экономической политики

Татьяна Игоревна Морозова

Новосибирский государственный университет

Новосибирск, Россия

t.morozova@g.nsu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8601-1290>

Аннотация

Выявлены основные каналы и инструменты, которые в годы новой экономической политики использовала Советская власть для трансляции населению Сибири намеренно и целенаправленно сконструированных представлений о себе. Сделан вывод, что в первые годы нэпа значительная часть этих каналов и инструментов действовала в Сибири в ограниченном режиме. Однако по мере отказа Центра от чрезвычайных методов руководства и улучшения экономической ситуации в стране и крае они были постепенно восстановлены, что позволило власти осуществлять самопрезентацию в разных формах, на разных языках, среди городских и сельских жителей, мужчин и женщин, русских и национальных меньшинств, не только грамотных, но и неграмотных.

Ключевые слова

власть, общество, образ власти, репрезентация, РКП(б), ВКП(б), Советы, профсоюзы, комсомол, газеты, политическое просвещение, новая экономическая политика, Сибирь

Благодарности

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-28-00155 (<https://rscf.ru/project/22-28-00155>)

Для цитирования

Морозова Т. И. Каналы и инструменты трансляции официального образа Советской власти населению Сибири в условиях новой экономической политики // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2022. Т. 21, № 8: История. С. 119–131. DOI 10.25205/1818-7919-2022-21-8-119-131

Ways and Tools of Channeling the Official Image of Soviet Authorities to the Population of Siberia during the Period of the New Economic Policy

Tatiana I. Morozova

Novosibirsk State University

Novosibirsk, Russian Federation

t.morozova@g.nsu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8601-1290>

Abstract

The article analyzes one of the key aspects of the representation of authorities, i. e. channeling their official image to the population. Based on the achievements of Russian historiography and information from published and newly found archival sources, it identifies ways and tools used by the Soviet Authorities to deliberately and purposefully construct the idea about itself in the minds of Soviet citizens in Siberia and effectively channel it during 1921–1929.

© Морозова Т. И., 2022

ISSN 1818-7919

Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2022. Т. 21, № 8: История. С. 119–131

Vestnik NSU. Series: History and Philology, 2022, vol. 21, no. 8: History, pp. 119–131

Among the main translators of the official image of the Soviet authorities were such institutions as the Communist Party, Soviets, trade unions, the All-Union Leninist Young Communist League (Komsomol), various public organizations, media press, cultural and political educational institutions. The article shows that these translators used tools that generally can be divided into three groups. The first one is traditional or universal tools, including congresses, conferences, meetings, elections, theaters, museums, clubs, libraries, books, newspapers, and magazines. The second group – tools established by the Soviet regime, including illiteracy elimination organizations, Izba Chitalnya (“village reading rooms”), Soviet party schools, Peasant Club, and “red” corners. The third group – unique or innovative tools: “nomination”, patronage of the city over the village. The article concludes by arguing that in the early years of the New economic policy (NEP) the efficiency of the majority translators and tools of the representation of the Soviet authorities were limited. However, as the Central committee of the RCP(b) abandoned the emergency policy in Siberia and the economic situation in the country and in the region had been improved, their work and influence were gradually restored. Because of this, the authorities got back their abilities of self-presentation in different forms, in different languages, among urban and rural residents, men and women, Russians and national minorities, and literate and illiterate citizens.

Keywords

authorities, society, image of authorities, representation, RCP(b), AUCP(b), Soviets, trade unions, AULYCL, newspapers, political education, new economic policy, Siberia

Acknowledgments

The research was funded by the Russian Science Foundation, project no. 22-28-00155 (<https://rscf.ru/project/22-28-00155>)

For citation

Morozova T. I. Ways and Tools of Channeling the Official Image of Soviet Authorities to the Population of Siberia during the Period of the New Economic Policy. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2022, vol. 21, no. 8: History, pp. 119–131. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7919-2022-21-8-119-131

Образ(ы) российской власти уже несколько десятилетий являются актуальной темой, изучением которой активно занимаются отечественные политологи и социологи. В последние двадцать лет к ним постепенно присоединились историки. При сравнении результатов проделанной ими работы без труда обнаруживаются принципиально разные подходы к познанию этого феномена между политологами и социологами в одном случае и историками – в другом. Если первые исследуют представления о власти и образ власти, рассматривая его как некий результат, продукт, который формирует общество (при активном, но чаще всего не афишируемом участии самой власти), то историков прежде всего интересует то, какой образ изначально сконструировала и затем транслировала эта власть населению.

С обозначенных позиций специального внимания заслуживает почти семидесятилетний период в истории России, в течение которого у власти находились большевики / коммунисты. Именно тогда, по сути дела, впервые в истории России власть специально и последовательно занималась формированием своего облика, а потом столь же целенаправленно и целеустремленно работала над тем, чтобы общество его приняло и признало в качестве единственно верного, образцового.

В современной российской историографии имеются публикации, посвященные данной теме. Первоочередное внимание в них уделяется выяснению того, какие институты формировали властный образ, какими способами они это делали и каким этот образ в результате получился (см. [Шалаева, 2006; 2014; Мазур, 2017; Раннесоветское общество..., 2018; Сарычева, 2019] и др.). Только в последние годы появились специальные исследования, посвященные тому, что и как в разное время делала власть, чтобы донести этот образ до разных слоев общества, однако пока они выполнены преимущественно в узких территориальных и хронологических рамках [Киселева, 2013; Конев, 2021]. Цель настоящей статьи – частично восполнить указанный пробел. В ней ставится скромная задача выяснить, какие каналы и инструменты использовала Советская власть для трансляции своего облика населению Сибири в годы новой экономической политики.

Поясним значение трех ключевых терминов, используемых в статье. Под официальным образом (имиджем) власти понимается осознанно и целенаправленно сформированная властью система представлений о самой себе, ее самопрезентация. Под каналом имеется в виду

социальный институт или система институтов, обеспечивающих трансляцию этого образа власти населению, под инструментом – конкретные средства и органы трансляции.

В конце 1919 – начале 1920 г. в Сибири была восстановлена Советская власть, и Сибирь вновь стала частью РСФСР. До конца 1925 г. по названию высшего областного советского органа – Сибирского революционного комитета – Сибирь именовалась «сибревкомовской», а затем – Сибирским краем. С середины лета 1921 г. Сибирь включала в себя Омскую, Томскую, Алтайскую, Новониколаевскую, Енисейскую и Иркутскую губернии, состоявшие из 35 уездов, которые, в свою очередь, делились на 838 волостей. В 1922–1926 гг. Сибирь подверглась административно-территориальному реформированию, заключающемуся в замене четырехуровневого (волость – уезд – губерния – область) устройства трехуровневым (район – округ – край). В итоге к середине 1926 г. Сибирский край состоял из 19 округов, включавших в себя 245 районов, и Ойротской автономной области. Административно-территориальная реформа и связанная с ней перестройка партийно-советского аппарата способствовали его приближению к местам.

По данным Всероссийской переписи населения 1920 г., на территории Сибири проживало около 8,9 млн чел., в том числе примерно 7,9 млн – в сельской местности и около 1,0 млн – в городах (Предварительные итоги..., 1921, с. 8). Население Сибири отличалось сложным социальным и этноконфессиональным составом. В нем преобладало русское крестьянство с высоким удельным весом зажиточного и середняцкого слоев, имелось довольно многочисленное казачество, рабочий класс был малочисленным и распыленным территориально и по мелким предприятиям, за исключением железнодорожников. Почти половина взрослого населения Сибири была элементарно неграмотной. Как показали революция и Гражданская война, многие сибиряки имели склонность при решении сложных вопросов использовать простые и радикальные меры и способы.

В силу указанных и ряда других причин, а также того, что около полутора лет население Сибири находилось под властью контрреволюции, партийно-политическое руководство РСФСР для управления ей учредило свои представительства, являвшиеся не выборными, а назначаемыми, официально не наделенными, но фактически располагавшими чрезвычайными полномочиями. По советской линии таким органом стал Сибревком, по партийной – Сибирское бюро ЦК РКП(б), имевшее статус территориального отдела ЦК партии.

Также в Сибири в течение нескольких месяцев после ее освобождения от белогвардейцев и интервентов назначались сверху, а не выбирались все губернские и многие уездные партийные и советские руководящие органы: бюро и оргбюро в первом случае, ревкомы – во втором. К тому же здесь была сформирована густая сеть карательно-репрессивных органов, необходимость создания которой мотивировалась сохранением на территории Сибири «обломков» колчаковского государственного аппарата, десятков тысяч бывших военнослужащих белых армий, зажиточностью и свободолобием местного крестьянства, высоким удельным весом в его составе кулачества, наличием на сопредельной территории остатков белогвардейских воинских формирований. Всё это делало задачу по трансляции официального образа власти в Сибири важной, сложной, требующей больших усилий, применения адекватных институтов и инструментов.

За время революции и Гражданской войны большевики создали уникальную политическую систему. Она включала в себя органы государственной власти и различные общественные организации (профсоюзы, комсомол, кооперацию и др.), которыми руководила РКП(б). В структуре почти всех этих институтов имелись собственные органы периодической печати, на всех уровнях вертикали, начиная от ЦК большевиков, советского правительства и Всероссийского центрального исполнительного комитета Советов (ВЦИК) и до низового звена в виде парткомов, исполкомов, отделов и аналогичных ячеек, существовали подразделения, которые вели агитационно-пропагандистскую и политико-просветительную работу.

Наряду с ними в рамках названных институций или под их патронажем было создано большое количество всевозможных учреждений, которые занимались ликвидацией общей

и политической неграмотности: разного рода университеты, партийно-советские школы и курсы, библиотеки, избы-читальни, клубы, уголки, агитпоезда, агитпароходы и т. д. Своей деятельностью они охватили практически все слои населения, причем работу среди разных ее категорий иногда вели специальные органы и их персонал. Например, среди военнослужащих – политические отделы и их сотрудники, среди женщин – женотделы парткомов, среди представителей нерусских народов – национальные отделы / секции парткомов и отделов народного образования. Случалось, деятельность таких органов велась параллельно и даже пересекалась, что не всегда было эффективно, но позволяло лучше добиваться искомого результата.

Главная задача, которую решали все эти институты и органы, заключалась в разъяснении населению того, что такое Советская власть и в чем заключалась ее текущая политика. Поддержка Советской власти со стороны значительной части жителей России и победа большевиков в Гражданской войне во многом были достигнуты благодаря тому, что созданная ими политическая система в основном справилась с решением главной задачи, в результате чего именно эта власть воспринималась ее сторонниками как близкая им по смыслу и духу.

В Сибири же Советская власть существовала намного меньше, чем в центральной России, и была возрождена не в конституционной, а в чрезвычайных формах. Все провластные институты здесь находились в стадии становления. Они только возобновляли легальную работу в широких массах и приобретали соответствующий опыт. Количество каналов и инструментов, которые в период «военного коммунизма» использовали большевики в Сибири для трансляции местному населению нужного власти собственного привлекательного облика, было не меньше, чем в европейской части РСФСР. Но реально используемые ими в Сибири институты и средства значительно уступали существовавшим в советском Хартленде по количеству и качеству работавших в них сотрудников, по численности охваченного их влиянием населения. Необходимость догнать по этим параметрам европейскую Россию руководство Сибири сознавало. Неофициально Сиббюро ЦК и Сибревком ставили такую задачу перед партийно-советским аппаратом в качестве актуальной, но к весне 1921 г. она осталась невыполненной.

Осуществленный большевиками переход от «военного коммунизма» к нэпу был вынужденным и являлся ответом на системный кризис, в котором в конце 1920 – начале 1921 г. оказались РСФСР и ее основные институты: РКП(б), Советы, профсоюзы. Выход из кризиса включал в себя отступление в сфере экономики, генеральную чистку РКП(б), сокращение многих учреждений и их персонала. Тем не менее, систему в целом удалось сохранить. Вынужденные меры большевики компенсировали наступлением в области идеологии и политики против Русской православной церкви, эсеров, меньшевиков и интеллигенции. Этими акциями РКП(б) продемонстрировала своей социальной опоре, что она сохраняет верность идеалам революции, а союз рабочих и крестьян остается «альфой и омегой» Советской власти.

На протяжении нэпа большевики постоянно маневрировали во внутренней политике. Неизменным оставалось стремление их руководства к укреплению партии и сохранению ее решающей роли. С 1 января 1924 по 1 января 1929 г., во многом благодаря массовым призывам, ее численность выросла с 446,1 тыс. до 1,4 млн чел., т. е. в 3,2 раза¹. Резко увеличился партийный аппарат. К 1928 г. членами бюро ячеек и кандидатских групп, составлявших нижний этаж партийной пирамиды, состояли примерно 177 тыс. чел. [Морозова, Шишкин, 2020, с. 922]. Оба результата являлись, с одной стороны, гарантией поддержки курса Генерального секретаря ЦК И. В. Сталина, с другой – служили расширению числа пропагандистов и проводников этого курса в беспартийных массах. Общее руководство агитационно-пропагандистской работой на разных уровнях партийной пирамиды от районного до всесоюзного осуществляли агитпропотделы соответствующих парткомов. Двудеятельная задача мо-

¹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 7. Д. 148. Л. 2; Оп. 68. Д. 145. Л. 2.

дернизации и трансляции созданного большевиками властного образа обсуждалась на пяти, с XI по XV, партийных съездах, проведенных с 1922 по 1927 г.

Сибирская партийная организация была одной из самых молодых в РСФСР. С 1 января 1924 по 1 января 1929 г. ее численность увеличилась с 38,8 тыс. до 93,3 тыс. чел., или в 2,4 раза². Такое отставание от темпов роста РКП(б) – ВКП(б) в целом объяснялось малочисленностью кадровых рабочих, малограмотностью и политической пассивностью большей их части, слабостью местного партаппарата. В первые годы нэпа в Сибири функционировал один областной, шесть губернских и 35 уездных агитпропотделов, в которых работали всего около 150 сотрудников³. По мере разрастания партийного аппарата увеличивалось количество агитпропотделов, и расширялся их штат. Частично недостаток агитпропработы восполнялся тем, что в Сибири относительно регулярно проходили партийные конференции областного, краевого, губернского, окружного, уездного и районного уровней, делегатами которых были тысячи сибиряков, получивших тем самым хотя и неполное представление о власти, но из первых рук.

Вторым по значимости и мощности каналом воздействия на представления россиян о существовавшей в РСФСР власти была многоступенчатая и всепроникающая советская система. Она на практике демонстрировала, что такое Советская власть и как эта власть функционирует. В кампаниях по выборам в Советы, которые иногда длились по 3–4 месяца каждая, принимали участие миллионы людей, причем со временем их количество росло. Например, если в 1928 г. в выборах в сельские советы участвовало около 19 млн чел. (47,5 % избирателей), то в 1929 г. их численность достигла 25 млн (60,6 %) (XIV Всероссийский съезд, 1929, бюлл. № 15, с. 5).

Неизменно ощутимый эффект с точки зрения трансляции официального образа власти имели проходившие почти ежегодно Всероссийские съезды Советов. Они представляли собой многоярусные и многодневные акции. В состоявшемся в декабре 1921 г. IX съезде участвовал 1 991 делегат, в XIV съезде в мае 1929 г. – 2 391 чел. Делегаты всех Всероссийских съездов Советов были преимущественно коммунистами. В первой половине 1920-х гг. среди делегатов преобладала элита второго и третьего эшелонов: представители центральных, республиканских, областных, краевых и губернских партийных и советских учреждений.

Постепенно состав и целевое назначение съездов претерпели изменения. На них увеличился удельный вес беспартийных (с 7,6 % на IX съезде до 28,6 % на XIV), женщин (соответственно с 2,2 до 17,3 %), крестьян «от сохи» (с 0,9 до 15,9 %). Делегатами XIV съезда являлись 174 члена районных исполкомов и 150 председателей сельсоветов (XIV Всероссийский съезд, 1929, бюлл. № 16, с. 53–54). Всероссийские съезды Советов, в начале 1920-х гг. имевшие своей целью демонстрацию политического доминирования партии большевиков, превратились в многофункциональную площадку, на которой производился обмен местным опытом и подводились его итоги, осуществлялась учеба низового советского актива. Решения съездов партии и Советов оперативно и широко тиражировались посредством издания брошюр, публикации в газетах и журналах, разъяснялись их участниками, агитаторами и пропагандистами среди рабочих и крестьян. В результате представление рядовых граждан о сущности и механизме Советской власти расширялось, становилось ближе к тому, которое стремилась им внедрить власть.

В Сибири за 1922–1925 гг., по самым приблизительным подсчетам, состоялось не менее 24 губернских, 140 уездных и около 3,3 тыс. волостных съездов. Только в интервале с 15 марта по 5 апреля 1925 г. по меньшей мере 3 216 чел. были делегированы на уездные и 688 чел. – на губернские съезды Советов (Советы Западной Сибири, 1980, с. 91–92). После административно-территориальной реформы в Сибири состоялись три краевые, десятки окружных и сотни районных съездов. Причем, если численность делегатов окружного уровня была относительно стабильной (2 590 чел. в 1927 г. и 2 492 чел. в 1929 г.), то аудитория

² РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 7. Д. 148. Л. 4; Оп. 68. Д. 144. Л. 3.

³ Подсчитано по: Известия Сибирского областного бюро РКП. 1920. 12 ноября.

районных съездов за тот же промежуток времени выросла с 16 510 до 22 661 чел. (Сибирский край, 1930, с. 76).

Существенное место в политической системе РСФСР принадлежало профессиональным союзам. Такое положение профсоюзов определялось тем, что к концу Гражданской войны они являлись самой крупной организацией, состоявшей из беспартийных рабочих, сыграли выдающуюся роль в установлении, укреплении и защите Советской власти. Вместе с тем в конце 1920 – начале 1921 г. профсоюзы, численность которых в мае 1921 г. достигла примерно 8,5 млн чел., поразил глубокий кризис, вызванный их бюрократизацией, отрывом от масс, доминированием методов внеэкономического принуждения к работе и др. Об этом убедительно свидетельствует значительное сокращение количества членов профсоюзов после перехода к нэпу: в январе 1922 г. примерно до 6,9 млн, в сентябре 1922 г. до 5,1 млн чел. (Антошкин, 1925, с. 337).

Преодоление негативных тенденций эпохи «военного коммунизма» в профсоюзном движении было мучительным и долгим, а осознание того, как нужно работать в условиях нэпа, пришлось далеко не сразу. Начало новому курсу положили тезисы Политбюро ЦК о роли и задачах профсоюзов, разработанные по указанию декабрьского 1921 г. пленума ЦК РКП(б) и опубликованные 17 января 1922 г. в газете «Правда», а также решения XI съезда РКП(б). Наиболее значимым результатом воплощения нового курса в жизнь стал рост численности членов профсоюзов: 4,5 млн к 1 октября 1922 г., 5,6 млн к 1 января 1924 г., 9,3 млн к 1 июля 1926 г., 11,9 млн к 1 июля 1928 г. (Профессиональные союзы..., 1924, с. 19; Профессиональные союзы..., 1928, с. 25–27).

Примерно с конца 1922 г. профсоюзы вели работу широким фронтом, главным направлением которой как на государственных, так и на частных предприятиях была тарифно-экономическая и культурно-просветительная деятельность. В центре их внимания находились вопросы заработной платы, повышения производительности и охраны труда, социального страхования и безработицы, заключения коллективных договоров и разрешения трудовых конфликтов, ликвидации неграмотности и повышения квалификации, деятельность клубов, работа среди женщин, молодежи и национальных меньшинств. Они защищали специалистов от рабочих-спецедедов, боролись против нарушителей трудовой дисциплины и излишне рьяных администраторов. Им было очень далеко до того, чтобы иметь основание называться «школой коммунизма». Но они довольно хорошо справлялись с функцией «приводного ремня» между партией коммунистов и широкой беспартийной массой. Благодаря профсоюзам основная масса беспартийных лучше понимала, что такое коммунистическая партия и Советская власть в их собственной трактовке, а значительная часть рабочих всерьез считала себя сопричастной к осуществлению диктатуры пролетариата.

В Сибири профсоюзы легализовались после ее освобождения от контрреволюции. К началу 1921 г. в них состояли около 500 тыс. чел. Охват профсоюзным членством занятых в народном хозяйстве Сибири достигал 90,0 %. Но в первые годы нэпа профсоюзы Сибири из-за закрытия производственных предприятий и перехода на индивидуальное членство переживали тяжелый кризис, выразившийся в резком уменьшении их численности. На 1 января 1925 г. они объединяли всего 260,5 тыс. чел., причем пятая часть из них (51,6 тыс. чел.) приходилась на профсоюз советских работников, тогда как профсоюз железнодорожных рабочих насчитывал всего 40,8 тыс., земли и леса – 23,6 тыс., просвещения – 23,5 тыс., горняков – 22,3 тыс.⁴ К 1 апреля 1928 г. общее количество членов профсоюзов в Сибири достигло 460,4 тыс. чел., а охват работавших на предприятиях – 90,6 % (Отчет..., 1928, с. 127). Иными словами, в Сибири этот канал трансляции официального образа Советской власти большую часть нэпа был сужен, выполняя свои функции в ограниченном режиме.

Другим «приводным ремнем» партии, который власть еще со времен Гражданской войны использовала для трансляции своего имиджа, являлся Российский коммунистический союз

⁴ ГАНО. Ф. П-2. Оп. 1. Д. 563. Л. 4 об.

молодежи. Осенью 1921 г. в РКСМ состояли около 415 тыс. чел. Однако повышение требований к вступающим в организацию в сочетании с добровольными выходами из нее, вызванными прежде всего массовыми увольнениями юношей и девушек с предприятий, а также ухудшением их материального положения, привели к резкому сокращению численности РКСМ. К октябрю 1922 г. она уменьшилась до 260 тыс. чел. Прекращение массовых увольнений, повышение заработной платы и, как следствие, рост доверия молодежи к Советской власти способствовали сначала стабилизации, а затем возобновлению роста комсомольских рядов. В январе 1923 г. численность РКСМ составляла 303,9 тыс., январе 1924 г. – 500,7 тыс., 1925 г. – 1,1 млн, 1926 г. – 1,8 млн, 1927 г. – 2,1 млн, 1929 г. – 2,3 млн чел.⁵

Комсомольская организация Сибири была создана в 1920 г. и с тех пор развивалась аналогичными темпами. В марте 1924 г. ее численность составляла 29,8 тыс. чел., в январе 1925 г. – 55,0 тыс. чел., в марте 1927 г. – 119,0 тыс. чел.⁶ Таким образом, РКСМ по охвату населения Сибири заметно уступал профсоюзам, но опережал при этом РКП(б) – ВКП(б). Несомненным преимуществом РКСМ как канала трансляции официального имиджа Советской власти являлась его ориентация на узкую возрастную группу (преимущественно от 14 до 23 лет), что позволяло более точно и эффективно достигать нужного результата.

К началу 1920-х гг. в России сохранились десятки самостоятельных обществ, объединений, организаций и союзов разного профиля и масштаба, действовавших в различных сферах жизни. Некоторая либерализация режима в начале нэпа в этой области вскоре сменилась установлением контроля за общественными институтами со стороны партийно-советских органов, завершилась их частичным запрещением и отказом в регистрации новых по политико-идеологическим основаниям. Одновременно с санкции и при поддержке властей произошло учреждение десятков идеологически нейтральных, просоветских и прокоммунистических структур, выполнявших двоякую функцию: общественно значимую и провластную. В конце 1920-х гг. после организационных перестроек и «чисток» все неправительственные организации подверглись унификации, потеряли свой общественный статус и изначальный смысл, превратились в служебные инструменты и опоры Советской власти. Они стали заниматься в основном агитационно-пропагандистской, политико-воспитательной, историко-революционной и военно-патриотической работой, пропагандой советского образа жизни и достижений Советской власти [Ильина, 2000, с. 145–149].

В Сибири в период нэпа действовали ячейки, отделения и представительства ряда общероссийских и общесоюзных организаций. В их числе были такие крупные, как Международная организация помощи борцам революции (МОПР), Общество содействия жертвам интервенции, Общество политкаторжан и ссыльнопоселенцев, Общество старых большевиков. Членство в перечисленных организациях, как и сам факт их существования, напоминало сибирякам об обстоятельствах и цене установления Советской власти. Широкое распространение в Сибири получило учрежденное в 1923 г. Общество «Долой неграмотность», целью которого было не только научить людей читать и писать, но и дать им базовые знания по общественно-политической тематике.

По мере ликвидации неграмотности взрослого населения увеличивалось значение печатной продукции как канала не только пропаганды и агитации, но и передачи привлекательного образа действующей власти. Ассигнования, которые выделялись Государственному издательству и Российскому телеграфному агентству из государственного бюджета, на протяжении 1920-х гг. постоянно увеличивались. Объем изданной книжной продукции и периодической печати непрерывно возрастал, достигнув в 1928 г. по книгам цифры в 209 млн экземпляров. Причем больше всего книг (около 40–50 % объема) приходилось на литературу по социально-экономической и общественной тематике, а непосредственно политграмоте были посвящены около 915 тыс. экземпляров (XIV Всероссийский съезд, 1929, бюлл. № 12, с. 30; бюлл. № 18, с. 23, 26).

⁵ РГАСПИ. Ф. М-1. Оп. 33. Д. 1. Л. 1.

⁶ ГАНО. Ф. П-118. Оп. 1. Д. 155. Л. 51 об.; Д. 450. Л. 120; ЦДНИ ТО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 241. Л. 6 об.

Особое место среди инструментов трансляции властного облика занимала газетная периодика. Ее специфическая роль определялась рядом факторов: наличием огромной сети повременной печати, насчитывавшей сотни названий и имевшей свои ячейки в самых отдаленных уголках России; полной политико-идеологической подконтрольностью газет партийным органам; оперативностью и систематическим характером подачи ими нужной властям информации. Кроме того, такие центральные газеты, как «Правда», «Известия», «Беднота», «Гудок» и «Труд», выходявшие тиражами в сотни тысяч экземпляров, пользовались у читателей популярностью и авторитетом. В результате приобщения населения к печатному слову власть становилась для него понятнее и немного ближе к народу.

Однако из-за отдаленности Сибири от Москвы и обширности ее территорий центральные газеты поступали сюда в ограниченном количестве экземпляров и с большим опозданием, из-за чего не могли в достаточной мере удовлетворить нужды даже немногочисленной читающей публики, поэтому особое значение здесь приобретала именно местная сеть периодических изданий. К концу 1921 – началу 1922 г. она включала девять газет областного уровня: «Советская Сибирь», «Сельская правда», «Сибирский гудок», «Красноармейская звезда», «Путь молодежи», «Азад Себер» на татарском языке, «Сибириас Циня» на латышском, «Сибери Театая» на эстонском и «Дер Ландман» на немецком. Одновременно областные органы выпускали пять журналов: «Известия Сиббюро ЦК РКП(б)», «Жизнь Сибири», «Красная сибирячка», «Профессиональное движение», «Сибирские огни».

Известно, что областную сеть периодических печатных изданий партийно-советское руководство Сибири изначально формировало с учетом социально-профессионального и национального состава населения. Аналогичную «специализацию» изданий оно пыталось реализовать в губерниях и уездах, в которых, однако, в первые годы нэпа относительно регулярно выходили только общеполитические газеты и издания для крестьян. Исключения составляли такие каменноугольные и промышленные районные центры Сибири, как Анжерка, Бодайбо, Черемхово и Щегловск, где специально печатались газеты, предназначенные в первую очередь для рабочих-шахтеров.

В конце 1925 – начале 1926 г. краевая сеть периодических изданий была представлена уже 10 газетами и 13 журналами, разовый тираж которых составлял 93,7 тыс. и 31,9 тыс. экземпляров соответственно. Еще 13 газет в количестве 86,6 тыс. экземпляров выходили в округах и две – в Ойротской автономной области⁷. Свои журналы издавали также окружкомы РКП(б) и окрисполкомы Советов, однако их точное количество и тиражность пока не установлены. Тем не менее, даже если учесть только газетную периодику, то ее совокупный разовый тираж к началу 1926 г. насчитывал как минимум 180,3 тыс. экземпляров. В дальнейшем сеть периодических изданий продолжала расширяться. К сентябрю 1928 г. она включала уже 13 краевых, 21 окружную и четыре районные газеты общим разовым тиражом 346,1 тыс. экземпляров (Отчет..., 1928, с. 156).

Распространение газет осуществлялось как по индивидуальной, так и по коллективной (ведомственной) подписке. Популяризации прессы среди населения и, соответственно, более широкому ее распространению в качестве канала трансляции официального образа Советской власти способствовали культурно- и политико-просветительные учреждения.

Они были созданы большевиками сразу после восстановления Советской власти. Однако переход к нэпу означал снятие большинства учреждений, включая политико-просветительные, с государственного снабжения, что на практике привело к фактической ликвидации значительной их части. Поэтому уже в 1922 г. первоочередной задачей для агитпропотделов партийных комитетов по всей РСФСР стало восстановление учреждений политпросвета и обеспечение охвата ими как можно большего количества людей. Состоявшийся в апреле 1923 г. XII съезд РКП(б) поручил партийным организациям усилить работу по коммунистическому просвещению, объединив ее в «единую согласованную систему»: восстановить из-

⁷ Подсчитано по: ГАНО. Ф. П-2. Оп. 1. Д. 1042. Л. 4, 12–13.

бы-читальни на селе, сосредоточить вокруг них пункты ликвидации неграмотности и школы для малограмотных, активно использовать для организации политико-просветительной работы совпартшколы и коммунистические университеты, беспартийные конференции и делегатские собрания работниц и крестьянок, политчасти Красной армии и студенческие организации, клубы и марксистские кружки, театры и кино. В земледельческих районах поиск наиболее оптимальных форм ликвидации политической неграмотности рекомендовалось осуществлять при помощи «культурно-политического шефства» города над деревней (КПСС в резолюциях..., 1983, т. 3, с. 100–114).

Директивы высших органов партии и государства и усилия партийно-советского руководства Сибири привели к тому, что уже в 1923/1924 учебном году здесь возобновили работу 1 735 ликпунктов и 117 школ для малограмотных (они же – школы I ступени), совокупная аудитория которых насчитывала 53 445 чел., 1 312 изб-читален, 799 библиотек, 406 народных домов, 110 клубов и другие заведения⁸. На протяжении нэпа сеть политико-просветительных учреждений Сибири, хоть и непоследовательно, но в целом росла (см. таблицу). По данным на 1 января 1926 г., здесь функционировали 3 747 ликпунктов, в которых обучались 63 562 чел. Еще 3 633 чел. посещали школы для малограмотных, 2 035 чел. – школы повышенного типа (они же – школы II ступени) и 1 055 чел. – советско-партийные школы⁹. Таким образом, в 1925/1926 учебном году система политического просвещения охватывала по меньшей мере 70,3 тыс. чел. Однако к 1 декабря 1928 г. только одними пунктами ликвидации неграмотности, количество которых даже несколько сократилось, были, тем не менее, охвачены 122,3 тыс. чел., т. е. почти вдвое больше, чем позволяла вся политико-просветительная сеть Сибири всего тремя годами ранее (Сибирский край, 1930, с. 737).

Сеть культурно- и политико-просветительных учреждений Сибири в годы нэпа *

Network of cultural, political and educational institutions of Siberia during the years of the New Economic Policy

Учреждения	1923/1924	1924/1925	1925/1926	1926/1927	1928/1929
Ликпункты	1 735	2 813	3 747	3 678	3 304
Школы I ступени	117	181	239	262	372
Школы II ступени	17	10	12	15	–
Совпартшколы	8	9	9	15	35
Избы-читальни	1 312	1 613 **	987	1 085	1 356
Красные уголки	–		1 514	1 650	2 532
Народные дома	406	107	–	146	275
Дома крестьянина	–	–	11	31	22
Клубы	110	124	92	162	186
Библиотеки	799	568	791	1 130	1 568
Театры	11	–	–	21	10
Кинотеатры	27	–	68	124	168
Музеи	13	12	15	12	–

* Составлено по: ГАНО. Ф. Р-61. Оп. 1. Д. 54. Л. 3–7, 15, 23 – 23 об.; Д. 271. Л. 2 об.; Ф. Р-1053. Оп. 1. Д. 559. Л. 5 об.; Сибирский край, 1930, с. 737–745.

** В статистических сводках за 1924/1925 гг. «красные» уголки были объединены с избами-читальнями.

⁸ ГАНО. Ф. Р-61. Оп. 1. Д. 54. Л. 23.

⁹ Там же. Л. 3–4.

Следуя решениям XII съезда РКП(б), партийно-советское руководство Сибири активно использовало и более специфические формы идеологического воздействия на население. Так, в селах, волостных и районных центрах на всем протяжении первой половины 1920-х гг. относительно регулярно проводились беспартийные крестьянские конференции. В ходе этих мероприятий местные органы власти доводили до сведения крестьян содержание конкретных директив коммунистической партии и государства, разъясняли им суть нэпа и предлагали к обсуждению другие общественно-политические вопросы. Только в Алтайской губернии в январе – феврале 1923 г. состоялись 70 таких конференций, охвативших почти 7,5 тыс. крестьян [Боженко, Гагарин, 1971, с. 60–63].

Другим важным инструментом воздействия на крестьянство являлся такой уникальный инструмент, как шефство города над деревней, зародившийся в 1922 г., но получивший широкое распространение преимущественно во второй половине 1920-х гг. К 1927 г. рабочие Сибири шефствовали над 289 деревнями, помогая крестьянам создавать кооперативы, организуя и финансируя существование изб-читален, «красных» уголков и ликпунктов [Крестьянство Сибири..., 1983, с. 177]. Шефство способствовало повышению культурного уровня и политической активности крестьянства, а также практическому продвижению в сельской местности представления о том, что Советская власть является не чем иным, как диктатурой пролетариата.

Аналогичную задачу решала так называемая политика выдвигенчества, развернутая в РСФСР, и в том числе в Сибири, именно в годы нэпа. Ее суть заключалась в выдвигении рабочих «от станка» и крестьян «от сохи» с низовой общественной работы на работу исполнительную или ответственную. Однако из-за недостатка у трудящихся необходимого опыта и навыков партийно-советские органы предпочитали направлять их преимущественно на партийные и профсоюзные должности на фабриках и заводах [Морозова, Шишкин, 2020, с. 919]. Тем самым политика выдвигенчества не могла решить проблему нехватки руководящих кадров, однако имела мощное идеологическое значение. Само выдвигенчество и пропагандистская компания вокруг него, так же как и шефство города над деревней, укрепляли и популяризировали «пролетарский» имидж Советской власти.

В годы нэпа власть использовала для трансляции своего образа населению Сибири всю имевшуюся у нее сеть государственных, политических и социальных каналов, а также широкий набор разнообразных инструментов. В ряду каналов важнейшее значение имели такие общероссийские, ставшие затем общесоюзными, общественно-политические институты, как коммунистическая партия, Советы, профсоюзы, комсомол, различные общественные организации, печать, культурно- и политико-просветительные учреждения. В рамках названных каналов власть, как правило, применяла инструменты, которые традиционно практиковались этими институциями и являлись универсальными. Это всевозможные съезды, конференции, совещания, выборы, театры, музеи, клубы, библиотеки, книги, газеты и журналы. Активно обращалась Советская власть к инструментам, рожденным советским строем, создавая и открывая ликпункты, избы-читальни, совпартшколы, Дома крестьянина, «красные» уголки. В то же время иногда она прибегала к уникальным средствам, имевшим пионерный, новаторский характер: выдвигенчество, шефство города над деревней.

В первые годы нэпа значительная часть каналов и инструментов трансляции действовала на Сибирь и в Сибири в ограниченном режиме. Сказывались ограничения демократических норм, процедур и инструментов, введенные верховными властями, и жесточайший финансовый кризис, потребовавший экономии за счет сокращения всех аппаратов власти и ограничения масштабов их функционирования на местах. Особенно пострадала сфера культуры и политпросвета. Но по мере отказа Центра от чрезвычайных методов руководства Сибирью, улучшения экономического положения страны и края были восстановлены и возобновили свою работу в полном объеме местные структурные звенья общероссийских институтов, а также локальные инструменты, выполнявшие функции транслятора образа власти. Всё это позволило власти к концу 1920-х гг. осуществлять самопрезентацию в разных формах, на

разных языках, среди городских и сельских жителей, мужчин и женщин, русских и национальных меньшинств, не только грамотных, но и неграмотных, если не в максимально возможном объеме, то довольно близком к нему.

Список литературы

- Боженко Л. И., Гагарин А. В.** Социально-политические организации в сибирской деревне (1920–1927 гг.). Томск: Изд-во Том. ун-та, 1971. 136 с.
- Ильина И. Н.** Общественные организации России в 1920-е годы. М.: Ин-т рос. истории РАН, 2000. 216 с.
- Киселева Е. В.** Власть советов: у истоков создания образа (по материалам Орловской и Брянской губерний). Брянск: Карат-Сервис, 2013. 204 с.
- Конев К. А.** Визит А. В. Луначарского в Томск в мае 1923 г.: особенности репрезентации власти в городском пространстве // Вопросы истории Сибири: Сб. науч. ст. / Под ред. М. К. Чуркина. Омск, 2021. Вып. 17. С. 86–92.
- Крестьянство Сибири в период строительства социализма (1917–1937 гг.) / Отв. ред. Н. Я. Гущин. Новосибирск: Наука, 1983. 390 с.
- Мазур Л. Н.** Символическая структура и динамика образа власти в раннесоветском обществе // 1917 год: Государство. Власть. Территория: Докл. Междунар. науч. конф. 25 октября 2017 г. М., 2017. С. 234–241.
- Морозова Т. И., Шишкин В. И.** Коммунистическая партия большевиков как советский социальный лифт в условиях новой экономической политики // Новейшая история России. 2020. Т. 10, № 4. С. 902–932. DOI 10.21638/11701/spbu24.2020.406
- Раннесоветское общество как социальный проект, 1917–1930-е годы: В 2 ч. / Под общ. ред. Л. Н. Мазур. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2018. Ч. 1: Страна Советов: пространство, власть, экономика. 466 с.
- Сарычева А. М.** Образ советской власти в центральных партийных изданиях в 1917–1927 гг.: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2019. 17 с.
- Шалаева Н. В.** Формирование образа власти в массовом сознании советского общества в 1920-е гг. // Человек. История. Культура: Исторический и философский альманах. Саратов, 2006. № 5. С. 113–120.
- Шалаева Н. В.** Формирование образа советской власти в российском обществе в 1917–1920-е гг.: социокультурный аспект: Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Саратов, 2014. 39 с.

Список источников

- Антошкин Д.** Профессиональное движение в России. 3-е изд., испр. и доп. М.: Изд-во ВЦСПС, 1925. 384 с.
- Известия Сибирского областного бюро РКП. 1920. 12 ноября.
- КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. М.: Изд-во полит. лит., 1983. Т. 3: 1922–1925. 494 с.
- Отчет Сибирского краевого комитета ВКП(б) к IV краевой партконференции. Новосибирск: Сов. Сибирь, 1928. 215 с.
- Предварительные итоги переписи населения 28 августа 1920 г. М.: 14-я типография Моск. Сов. нар. хоз., 1921. Т. 1, вып. 3: Население 58 губерний Европейской и Азиатской России. 18 с.
- Профессиональные союзы СССР. 1922–1924. Отчет ВЦСПС к VI съезду профессиональных союзов. М.: Изд. ВЦСПС, 1924. 455 с.
- Профессиональные союзы СССР. 1926–1928. Отчет ВЦСПС к VIII съезду профессиональных союзов. М.: Изд. ВЦСПС, 1928. 624 с.
- Сибирский край: Стат. справочник. Новосибирск: Полиграфтрест, 1930. 804 с.

- Советы Западной Сибири 1919–1925: Сб. док. / Отв. ред. Б. Л. Борисов. Новосибирск: Зап.-Сиб. кн. изд-во, 1980. 191 с.
- XIV Всероссийский съезд Советов. Стенографический отчет. М., 1929. Бюллетени № 12, 15, 16, 18.

References

- Bozhenko L. I., Gagarin A. V.** Sotsial'no-politicheskie organizatsii v sibirskoi derevne (1920–1927 gg.) [Socio-Political Organizations in the Siberian Village (1920–1927)]. Tomsk, Tomsk State Uni. Press, 1971, 136 p. (in Russ.)
- Gushchin N. Ya.** (ed.). Krest'yanstvo Sibiri v period stroitel'stva sotsializma (1917–1937 gg.) [The Peasantry of Siberia during the Period of Building Socialism (1917–1937)]. Novosibirsk, Nauka, 1983, 390 p. (in Russ.)
- Ilyina I. N.** Obshchestvennye organizatsii Rossii v 1920-e gody [Public Organizations of Russia in the 1920s]. Moscow, Institute of Russian History RAS Publ., 2000, 216 p. (in Russ.)
- Kiseleva E. V.** Vlast' sovetov: u istokov sozdaniya obraza (po materialam Orlovskoi i Bryanskoi gubernii) [The Power of the Soviets: At the Origins of the Creation of the Image (Based on the Materials of the Oryol and Bryansk Gubernia)]. Bryansk, Karat-Service Publ., 2013, 204 p. (in Russ.)
- Konev K. A.** Vizit A. V. Lunacharskogo v Tomsk v mae 1923 g.: osobennosti reprezentatsii vlasti v gorodskom prostranstve [A. V. Lunacharsky's Visit to Tomsk, May 1923: Features of the Representation of Power in Urban Space]. In: Churkin M. K. (ed.). Voprosy istorii Sibiri [Questions of the History of Siberia]. Omsk, 2021, iss. 17, pp. 86–92. (in Russ.)
- Mazur L. N.** Simvolicheskaya struktura i dinamika obraza vlasti v rannesovetskom obshchestve [The Symbolic Structure and Dynamics of the Image of Power in Early Soviet Society]. In: 1917 god: Gosudarstvo. Vlast'. Territoriya [1917: State. Power. Territory]. Reports of the International Scientific Conference, October 25, 2017. Moscow, 2017, pp. 234–241. (in Russ.)
- Mazur L. N.** (ed.). Rannesovetskoe obshchestvo kak sotsial'nyi proekt, 1917–1930-e gody [Early Soviet Society as a Social Project, 1917–1930s]. In 2 parts. Ekaterinburg, Ural State Uni. Press, 2018, pt. 1: Strana Sovetov: prostranstvo, vlast', ekonomika [Country of Soviets: Space, Power, Economy], 466 p. (in Russ.)
- Morozova T. I., Shishkin V. I.** Kommunisticheskaya partiya bol'shevikov kak sovetskii sotsial'nyi lift v usloviyakh novoi ekonomicheskoi politiki [Communist Party of Bolsheviks as a Soviet Social Elevator in the Context of the New Economic Policy]. *Noveishaya istoriya Rossii [Modern History of Russia]*, 2020, vol. 10, no. 4, pp. 902–932. DOI 10.21638/11701/spbu24.2020.406 (in Russ.)
- Sarycheva A. M.** Obraz sovetskoj vlasti v tsentral'nykh partiinykh izdaniyakh v 1917–1927 gg. [The Image of Soviet Power in the Central Party Publications in 1917–1927]. Abstract of Cand. Philol. Sci. Diss. Moscow, 2019, 17 p. (in Russ.)
- Shalaeva N. V.** Formirovanie obraza vlasti v massovom soznanii sovetskogo obshchestva v 1920-e gg. [Creation of the Image of Power in the Mass Consciousness of Soviet Society in the 1920s]. In: Chelovek. Istoriya. Kul'tura: Istoricheskii i filosofskii al'manakh [Human. Story. Culture: Historical and Philosophical Almanac]. Saratov, 2006, no. 5, pp. 113–120. (in Russ.)
- Shalaeva N. V.** Formirovanie obraza sovetskoj vlasti v rossiiskom obshchestve v 1917–1920e gg.: sotsiokul'turnyi aspekt [Creation of the Image of Soviet Power in Russian Society in the 1917–1920s: Socio-cultural Aspect]. Abstract of Dr. Hist. Sci. Diss. Saratov, 2014, 39 p. (in Russ.)

List of Sources

- Antoshkin D.** Professional'noe dvizhenie v Rossii: tret'e, ispravlennoe i dopolnennoe izdanie [Professional Movement in Russia: The Third, Revised and Enlarged Edition]. Moscow, Izdatel'stvo VTSSPS, 1925, 384 p. (in Russ.)
- Borisov B. L.** (ed.). Sovety Zapadnoi Sibiri 1919–1925 [Soviets of Western Siberia 1919–1925]. Collection of Documents. Novosibirsk, Zapadno-Sibirskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1980, 191 p. (in Russ.)
- Izvestiya Sibirskogo oblastnogo byuro RKP [News of the Siberian Regional Bureau of the RCP], 1920, November 12.
- KPSS v rezolyutsiyakh i resheniyakh s'ezdov, konferentsii i plenumov TsK [CPSU in Resolutions and Decisions of Congresses, Conferences and Plenums of the Central Committee]. Moscow, Izdatel'stvo politicheskoi literatury, 1983, vol. 3: 1922–1925, 494 p. (in Russ.)
- Otchet Sibirskogo kraevogo komiteta VKP(b) k IV kraevoi partkonferentsii [Report of the Siberian Regional Committee of the AUCP(b) to the IV Regional Party Conference]. Novosibirsk, Sovetskaya Sibii', 1928, 215 p. (in Russ.)
- Predvaritel'nye itogi perepisi naseleniya 28 avgusta 1920 g [Preliminary Results of the Population Census on August 28, 1920]. Moscow, 14-ya tipografiya Moskovskogo Oblastnogo Soveta narodnogo khozyaistva, 1921, vol. 1, iss. 3: Naselenie 58 gubernii Evropeiskoi i Aziatskoi Rossii [Population of 58 Provinces of European and Asian Russia], 18 p. (in Russ.)
- Professional'nye soyuzы SSSR. 1922–1924. Otchet VTsSPS k VI s'ezdu professional'nykh soyuzov [Trade Unions of the USSR. 1922–1924. Report of the AUCCTU to the VI Congress of Trade Unions]. Moscow, Izdanie VTSSPS, 1924, 455 p. (in Russ.)
- Professional'nye soyuzы SSSR. 1926–1928. Otchet VTsSPS k VIII s'ezdu professional'nykh soyuzov [Trade Unions of the USSR. 1926–1928. Report of the AUCCTU to the VIII Congress of Trade Unions]. Moscow, Izdanie VTSSPS, 1928, 624 p. (in Russ.)
- Sibirskii kraj: statisticheskii spravochnik [Siberian Territory: Statistical Reference Book]. Novosibirsk, Poligrafrest, 1930, 804 p. (in Russ.)
- XIV Vserossiiskii s'ezd Sovetov. Stenograficheskii otchet [XIV All-Russian Congress of Soviets. Verbatim Report]. Moscow, 1929, bulletins no. 12, 15, 16, 18. (in Russ.)

Информация об авторе

Татьяна Игоревна Морозова, кандидат исторических наук
Scopus Author ID 57194705184
WoS Researcher ID M-8817-2016

Information about the Author

Tatiana I. Morozova, Candidate of Sciences (History)
Scopus Author ID 57194705184
WoS Researcher ID M-8817-2016

*Статья поступила в редакцию 15.07.2022;
одобрена после рецензирования 15.08.2022; принята к публикации 29.08.2022
The article was submitted 15.07.2022;
approved after reviewing 15.08.2022; accepted for publication 29.08.2022*